

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩИЙ
— ДУХ СОЗИДАЮЩИЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1) Безработица,
- 2) Революция — неизбежна, — из “Х. и В.”
- 3) Вопросы тактики, — Э. Малатеста.
- 4) Порядок значит гармония, — Р. Ф. М.
- 5) Еще о диктатуре, — Ст. Окслей.
- 6) “Голодай, чтоб они пировали...” — Д—о.
- 7) “Коммунизм” и Коммунизм — Р. Николаев.
- 8) Возражение анархизму — Дж. Баррет.
- 9) Социализм и анархизм — И. И. Б.
- 10) Свободная трибуна:
 - а) Кое-что о синдикализме — Автономов,
- 11) К о р р е с п о н д е н ц и и:
 - а) Письмо из Парижа — М. Корн,
 - б) Ответ на “Протест и призыв”.
- 12) Студент, — Н. Огарев.
- 13) Заявления Редакционной Коллегии.
- 14) О т ч е т ы :

БЕЗРАБОТИЦА.

Зима уже не за горами... Еще ужаснейший голод, холод, болезни, смерть.. Смерть от голодного тифа, смерть от истощения, простуды, замерзания.. Смерть.... Смерть.... Темной ночью и серым рассветом уже чувствуется колющее дыхание белой гостыи. Дрожь охватывает тела безработных и бездомных, ютящихся на порогах зданий, в парках, в жалких трущобах наших городов. Их уже более шести миллионов в стране этого “желтого дьявола.” и число их все растет и растет; все увеличивается “резервная армия” капитализма, все увеличивается число наших братьев рабочих, обреченных на верную гибель.

С утра до вечера ходят они в поисках работы: усталые, разбитые, унылые, одетые в жалкие лохмотья бродят они от фабрики к фабрике, по полям и дорогам, но всюду один ответ: нечего делать. Удивленно оглядывает себя рабочий, зная, что ему нужна одежда и обувь, а ему говорят: нечего делать: чувствует нудную пустоту в желудке, а ему говорят: нечего делать; ему негде преклонить усталую голову, а ему говорят: нечего делать. В фабриках машины ржавеют без употребления; шахты охраняются бандами вооруженных убийц от желающих работать, в них углекопов; пустует земля — но вы не можете возделывать ее: она охраняется законом и правом соб-

ственников; пустуют дома — но вы не можете войти и поселиться в них; склады и магазины полны товаров — но вы не смеете взять, что вам нужно, боясь тяжелой карающей руки закона собственников.

Что же стоит между вами, имеющими силу и желание производить и трудом? Что заставляет вас покорно страдать от холода и голода, глядя в ярко освещенные окна пекарен и ресторанов, глядя в окна уютных теплых жилищ, в витрины магазинов, полных разнообразных одежд? Какое чудовище так ревниво оберегает от вас все эти богатства? Это чудовище — собственность — право одного на продукт общего труда, поддерживаемое силой, называемой правительством.

Все богатства мира расхвачены небольшой кучкой лиц — капиталистов: все шахты, все железные дороги, громадные площади земли, здания городов, фабрики и все склады — все в их руках. Ни один из них палец о палец не ударил в создании богатств, строительстве дорог и зданий, раскопке шахт, обработке земли и все-таки они стали владельцами, распорядителями, хозяевами. Как же это случилось?

Еще в древние времена, более хищные и сильные захватили все земельные угодья и превратили своих более слабых собратьев в рабов и пользовались их трудом; позднее, их наслед-

ники стали взимать оброк (ренд) с вынужденных пользоваться "их" удобствами, а еще позднее их потомки и присоединившиеся к ним из других слоев населения хищники захватили в свои руки все орудия производства; и, как рабовладельцы брали все произведенное рабом в свое владение, и лишь старались поддержать работоспособность его — так и капиталисты наших времен берут весь продукт труда рабочего себе, и выдают ему право на не большую долю произведенного в виде денег. Вы можете жить только тогда, когда они позволяют вам производить на них и для них, ибо право ваше на существование (деньги) у вас отнимается коль скоро хозяин репает прекратить производство. Вы обречены на полуголодное существование всюду и во все времена. Вы часто возмущаетесь подобным положением, вы выходите в забастовки, временно отказываясь производить, дабы, ударив хозяина по больному месту (прибыли) заставить его пойти на уступки и дать вам немного большую часть **ваших же** продуктов. Полиция и тюрьмы, суды и наказания, правительственные войска и наемные банды хозяев (непосредственно) — все обращается против вас, рабочие, дабы утешить вас, дабы держать вас в нищенском полурабском состоянии. И если у вас возникнет мысль, что все богатства мира принадлежат вам — производителям, и никому другому, и вы осмелитесь под давлением нужды взять необходимое, — ярости и злобе хозяев и его слугосообщника правительства нет меры: вас избивают, вас расстреливают, вас сажают в тюрьмы, над вами издеваются. Все силы правительства выступают против вас, стараясь задушить ваш активный протест. Как дикие звери мечетесь вы в этой громадной клетке ка-

питализма, преследуетесь и истязаетесь, не в состоянии осознать, что ваши действительные враги, кроме прутьев клетки, суть поймавшие и засадившие вас в клетку. — Правительства и капитализм.

Дабы продлить свое господство они прибегают ко всякого рода средствам: они лицемерно показывают вам, что они заботятся о вас, созывая Конференции из представителей Капитала и Власти и несколько ваших продажных вождей (Мирная Конференция в Вашингтоне и Конференция о Безработице). На этих конференциях они обсуждают, сколько надо им уступить рабочим без ущерба для себя, лишь бы сломить растущее недовольство и спасти свои шкуры. Но уступать долго они не могут, ибо с развитием промышленности по всему миру, все меньше и меньше остается мест (рынков), куда они могли бы сбывать свои товары, а домашний рынок для них несуществен, ибо их стараниями покупками сила рабочего очень мала, сравнительно с его нуждами. (Никаких "кризисов" и "перепроизводств" не могло бы быть, если бы рабочие и крестьяне могли удовлетворять свои потребности).

Ради хищных инстинктов капиталистов, громадное большинство человечества обречено на вымирание от ужасных условий труда и жизни. Кругом, по всему свету голодают и мрут наши братья-рабочие: в Англии более двух миллионов безработных, т. е. почти четвертая часть, организованных рабочих; в Швеции — 25%; 15% в Норвегии; 22% в Дании; четверть организованных рабочих Голландии; третья часть в Бельгии; около трети во Франции и почти пятая часть в Канаде. В одном Нью Йорке более полумиллиона, т. е. почти половина всего рабочего населения. Многие работают во всех

странах только часть времени, неполные дни и неполные недели, и число безработных растет с каждым днем. Понадобилось бы около 100.000.000 дол. в неделю, если бы выдавать каждому безработному по 15 дол. (Все статистические данные взяты из статьи Дж. С. Пойнтц, в 190-ом номере журнала "The Toiler."

Никакое общество, имея и в "добрые времена," массу паразитов — непроизводителей, обратив искусственно-насильственно такой огромный процент производителей в непроизводителей, — не может существовать.

Как же быть и что делать? — естественно встает вопрос перед нами. Единственный выход для трудящихся; это положиться на свои силы и способности наладить новый строй жизни, сознать полную солидарность интересов трудящихся всех наций, всего мира, почувствовать свою действительную силу громадного большинства, определенно заявить свое естественное право на жизнь и наслаждение ею, пожелать свободы и счастья, пожелать довольства, и вопрос будет разрешен. **Рожденные в свет нагими и равными** (в смысле богатств вне нас) — **мы должны быть равны и в жизни.**

Сознание всего этого выразится в недовольстве существующим "порядком", в активном сопротивлении векам производимому над трудящимися насилию и эксплуатации, восстанию против угнетателей и разрушению всех орудий и средств порабощения и совершению великого акта справедливости и гуманности — Социальной Революции.

люции. Все принадлежит всем, и никто не имеет права распоряжаться тем, что не идет на удовлетворение его личных потребностей. Все товары, весь хлеб, вся одежда и обувь — все, что есть в мире — все должно служить нуждам каждого человека.

Идите же и берите все, что вам надо из имеющегося, захватывайте фабрики и заводы в свои руки и производите все, что вам нужно, занимайте пустующие покои богачей и общественные здания, если вам нужен кров, разбирайте земли и обрабатывайте их общими силами, займитесь сами распределением на справедливых началах между всеми трудящимися всего необходимого, захватите средства перевоза в свои руки — делайте великую экспроприацию на благо всего человечества.

Пусть не страшат вас солдаты и полиция: они ужаснутся вашей огромной силы, они убоятся быть братоубийцами при виде вашего справедливого возмущения; в момент перелома они станут, (как и всегда) на вашу сторону. Тогда приговоры судей не будут вам страшны, тогда некому будет сажать вас в тюрьмы, тогда гнев и месть правителей и имущих будут бессильны, ибо сила не в них, а вне их.

Посягайте на собственность других и не заводите своей; посягайте на правительство над вами и не создавайте правительства ни над кем — Творите революцию.

Свобода, Довольство, Справедливость и Братство — пусть будут нашим победным кличем.

Конечная цель всего нашего мышления и всей деятельности каждого честного человека все-таки состоит в том, чтобы разрешить навсегда неизбежный вопрос о голодных и раз-

детых людях, вне этого вопроса нет решительно ничего, о чем бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать

Д. Писарев.

РЕВОЛЮЦИЯ НЕИЗБЕЖНА.

Общество-древнее человека. Общественная форма жизни — только один из способов борьбы за существование.

Применять такой способ борьбы за существование начали еще задолго до появления на земном шаре человека — другие живые существа. Зарождение общества теряется в глубочайшей древности, недоступной определению человека. Человек — это только один из видов живых существ, применивший этот способ борьбы за существование.

Общество — это сочетание борьбы индивидуальных энергий, для борьбы с внешними условиями, неблагоприятными сохранению и развитию индивида и вида. Затрачивая энергию коллективно, — легче производить все необходимое для наибольшего и широкого удовлетворения всех потребностей всех индивидов. **Общество — наилучший для человека способ борьбы за существование.**

Принцип минимума затраты энергии в соединении с максимумом полученной полезной работы и максимумом удовлетворения потребностей, принцип, который лежит в основе **общественности**, — мог осуществиться только при **координации** производительных энергий, при **свободной кооперации** и общности потребления продуктов производства.

Вот причина коммунистической формы первобытного общества, и вот почему люди стремятся к восстановлению коммунизма всякий раз, когда форма общественной жизни уклоняется от него. При всех этих уклонениях всегда нарушался принцип: «минимум

затраты человеческой индивидуальной энергии и максимум удовлетворения потребностей.” Общественность лишилась своей основы.

Часть общества, обыкновенно, применяя только к себе принцип минимума затраты энергии и максимума удовлетворения потребностей, доводила этот самый принцип до абсурда: меньшинство заставляло работать на себя большинство общества. Большая часть общественной энергии тратилась на поддержание наилучших условий существования меньшинства общества. Большинство же оставалось в условиях, сильно уклоняющихся от нормальных. — Одни производили, другие потребляли. Таким образом, в обществе часть людей обратилась в эксплуататоров, паразитов*).

Общественным паразитам, эксплуататорам энергии других, первоначально пришлось затратить самим большое количество своей энергии, чтобы кооператора превратить в раба, и удерживать за собою приобретенные привилегии. Они понимали, что затрачивая на это свою энергию, они производят громадную экономию своих сил. На создание раба уходит энергии меньше, чем на постоянное производство. Вооруженная сила доставила эксплуата-

*) Зарождение классов объясняется этим возникшим различием условий существования двух частей общества. Борьба классов — это борьба за уравнивание условий, за пользование результатами полезных работ, которые бы производились всею общественною энергиею при нормальных условиях.

торам необходимое орудие для создания раба.

Производители постоянно старались сбросить с себя господство эксплуататоров. Поэтому последним пришлось для защиты своих привилегий постоянно держать наготове вооруженную силу, чтобы страхом смерти сдерживать стремление производителей к освобождению. Таким образом зародились постоянные войска и другие пайки разбойников, на тысячу ладов формулирующих устрашения, называемые **законами**; таким образом зародилось правительство с его лакеями: судьями и адвокатами, шпионами, жандармами, тюремщиками и палачами, — всей этой сворой отчаянных подлецов и развращенных до мозга костей дармоедов, которые являются орудием в руках эксплуататоров для обирания производителей и для откармливания их, эксплуататоров.

Государство со всеми своими мерзостями зарождается.

Государство дает возможность господству в обществе антисоциальных элементов, паразитов, эксплуататоров. Но господство в обществе антисоциальных элементов, нарушая принцип общественности, неминуемо ведет само общество к гибели и, следовательно, ведет к вымиранию человека, как вида. Человек же доказал и постоянно доказывает свою жизнеспособность борьбой с оружием в руках против эксплуатации и власти за коммунизм и свободу. В обществе с антисоциальными элементами находятся две друг другу противоречивые силы, находящиеся в постоянном антагонизме. Борьба этих двух сил постоянно видоизменяет форму общества. Столкновение их и есть революция. — Революция это борьба. Революция — это движение, действие, которое меняет форму общества, и по-

тому она не может быть мирною. Мирная революция такой же абсурд, как действие машины без энергии.

Можно понять за общее положение, мы думаем, что **борьба производителей за коммунизм и свободу есть борьба за постоянное восстановление нарушенного общественного равновесия, за постоянную реализацию жизненного условия, воспроизводство которого естественная эволюция сделала необходимым для человека. Революция есть вечный способ воспроизводства общественности.**

И действительно, если мы бросим беглый взгляд на историю, *) то

*) Борьба греков против персидской деспотии для спасения своего полиса, хронические восстания рабов внутри этих же городов, борьба с Македониею; борьба плебеев с патрициями в Риме, борьба римского федерализма против империализма и централизма тесно связанные с борьбою трудящихся сельского и городского классов эпохи Гракхов против латифундистов и ростовщиков, нажившихся в малоазиатских войнах, заговор Катилины, который говорил трудящимся, что напрасно они думают, будто сытые заботятся о голодных, и что пусть они последние сами о себе позаботятся, — наконец страшная революция Спартака-раба, представителя античного пролетариата, разбившего трех лучших римских генералов и которому крестьяне и ремесленники выковывали оружие, пополняя вместе с тем ряды восставших рабов; — вот несколько примеров той отчаянной борьбы, которую античное общество вело за лучшие условия общественной жизни. — Отчаянная борьба народов Римской централистической Империи первых веков нашей эры за федерализм: отпадение Галлии, Испании и других провинций, борьба итальянских федеративных провинций против посягательства успевшей уже централизоваться Византийской Империи и королевской власти ворвавшихся лангобардов — вот несколько примеров из начальной эры. — Освобождение городских коммун средних веков от князей и епископов, организаций, гильдий и братств — полукommунизм средневековых городов и их федерация по всей Европе, —

увидали, что борьба за коммунизм и свободу происходила всегда, как только коммунизм заменялся другими общественными формами, вызванными частною собственностью, и как только деспотия, центральное государство, уничтожали свободный федеративный союз народов. Революции всегда являлись единственным средством восстановления нарушенной общности. Революционная борьба была самым горячим и великим моментом жизни обществ. С победою революций начинались новые эры.

Какое громадное количество общественной энергии ушло на революции! С каким успехом эта трата энергии спасала общественность и двигала человечество вперед, ломая организации власти, поражая тиранов, выгоняя из

обществ князей и епископов, сжигая замки феодалов, опрокидывая правительства!... При грохоте оружий, при оглушающих звуках протеста угнетенных и обиравемых родились наука и искусство! В моменты освобождения от власти и эксплуатации двигалась вперед цивилизация! Когда в воздухе пахло революцией, именно тогда рождались великие люди. Современное мировое социалистическое движение — только один момент из многовековой борьбы угнетенных производителей против угнетателей, один момент борьбы за восстановление общности и за уничтожение эксплуатации и власти; — борьбы за коммунизм и свободу.

Современный пролетариат собирает энергию для двойной работы: 1) **разрушение старой формы общества**, т. е. государства и капитализма, и 2) **созидание новой формы общества** на принципах анархического (безгосударственного) коммунизма. Социализму предстоит разрешить вечную задачу: «минимум затраты энергии и максимум удовлетворения потребностей.» Для разрешения этой вечной задачи есть только вечный способ ее решения. Это — революция. Задачу **надо** разрешить, так как человечество должно жить! Революция — неизбежна!

Революция неизбежна, так как современная форма общества находится в прямом противоречии с принципом общности. Большинство производит, меньшинство же только потребляет. Между тем даже теперь количество продуктов таково, что при коммунистическом распределении их были бы удовлетворены все необходимые потребности всех. А если бы **все** тратили производительно свою энергию, то количество средств удовлетворения потребностей возросло бы сильно, и трата индивидами энергии сократилась бы в

вот примеры борьбы начала новейшей эры. Американская революция, Великая Французская революция, постоянные отчаянные восстания, часто в союзе с городами (пример Флоренция), по всей Европе вплоть до конца средних веков — вот примеры борьбы средневекового общества. Отчаянное сопротивление, оказанное городскими и сельскими коммунами возродившемуся в конце XVI века государству, взявшему в руки и наточившему старый, заржавленный железный инструмент римского права для эксплуатации народов; Крестьянские восстания в Англии, реформация и анабантзм, Стенька Разин и так далее, — предшествующая тремя стами бунтов и восстаний, самый могучий протест против государства, с крестьянами, сжигавшими замки феодалов, и санкюлотами, отрицателями всякой организованной власти, с Гейбертом, с «анархистами:» Бобеф и Буонаротти, Всеобщая Европейская Революция 48 года, Парижская Коммуна.... и, наконец, та гиганская борьба против капитализма и государства, — интернационально-революционное рабочее движение — свидетелями которой мы являемся теперь, и которая должна закончиться торжеством Социальной Революции, — вот борьба новейшей эры.

несколько раз.

Революция неизбежна, так как меньшинство присвоило все орудия, все средства производства. Производители же по необходимости принуждены заниматься, не получая в вознаграждения даже того количества, которое необходимо для восстановления их производительной энергии.

Причина революции на лицо. Она не может быть неочевидной производителям.

Эксплуататорам неизбежность революции тоже очевидна. Призрак революции они постоянно отгоняют усовершенствованием страшной машины для разрушения, находящейся у них в руках. Эта машина — государство. Армия и жандармы, полиция, шпионы и судьи — с оружием и сводом законов в руках стоят наготове, чтобы по первому приказанию броситься на народ.

Все, что есть антисоциального и грязного в современном обществе, все это защищается и культивируется государством. Насилие имеет свое олицетворение в войске; неискренность, четворение в войске; неискренность, ся в самой циничной форме, — в судебной магистратуре; клевета, обман и разврат — в шпионах и полиции; невежество — в попах!...*)

Современное государство это огромное скопление разрушительной энергии. Творчества в нем нет ни капли! Чтобы уничтожить капитализм, надо вырвать у врагов это страшное ору-

жие и уничтожить его. Без этого нечего и думать о низвержении современного строя. Уничтожение же государства будет лучшим условием широчайшего полета народного творчества.

Производители постоянно испытывают на себе все разрушительное действие государства, особенно при малейшей попытке революционного сопротивления. Чтобы победить, производители должны в противовес государству выставить в свою очередь громадное количество разрушительной, революционной энергии. Необходимость революции заставляет их постоянно собирать эту энергию. Это — подготовительный период революции.

Прямое столкновение этих двух разрушительных сил (государственной и революционной) будет самым великим и решающим моментом в революции. Победа революционной энергии повлечет за собой коренное переустройство общества. После победы вся энергия пойдет на созидательную работу, на само переустройство общества.

Сумма всех этих моментов и есть Социальная Революция. С нее начнет-ся новое возрождение человека и его дальнейшая эволюция.

‘Х-и. В.’

*) Для защиты эксплуататора от производителей современное государство создало войско, ряды которого пополняются из обездоленных классов. Для этой же цели государство пользуется и силой навязанным воспитанием и прикрывается демократическим принципом равенства, вводя “всеобщую” воинскую повинность.

ПРАВО БЕДНЯКА.

Человек в нашем обществе не может спать, не платя за то место, на котором он спит. Воздух, вода, солнечный свет, принадлежат ему только на большой дороге... Единственное пра-

во, признанное законом, это ходить по большой дороге до тех пор, пока он не зашатается от усталости, потому что он не может остановиться, а должен ходить. Гран Аллен.

ВОПРОСЫ ТАКТИКИ.

(“La Revolte”, № 3, Октябрь 1892 г.)

— 0 —

Нужно вести пропаганду; нужно, чтобы наши идеи проникли в массы; нужно толкать рабочих, чтобы они сами делали свои дела, отстранить их от политики и убедить их, что они могут освободиться только путем экспроприации и уничтожения политической власти: — “корпоративисты” не хуже других, и можно вести и среди них эту работу.

Дело в том, что мы не довольствуемся аристократическим наслаждением знания, или уверенности в знании истины. Мы хотим революции, произведенной народом и для народа. Мы думаем, что революция, произведенная партией без участия в ней масс, даже если бы она в настоящее время была возможна, привела бы только к господству этой партии, что не было бы анархической революцией.

Мы хотим, следовательно, насколько возможно в настоящий момент, расположить массы в пользу наших идей, а для этого нужно, чтобы мы были всегда среди масс, чтобы мы боролись и страдали вместе с ними и за них.

Когда-то, не помню, кто из товарищей высказал в газете “La Tribuna dell Operaio” мысль, что нужно входить в рабочие ассоциации и что в местностях, где их не существует, нужно их создавать, чтобы потом распространять в них наши идеи, он сказал только истину, вытекающую из простого здравого смысла, — почти банальность. Если мы хотим группировать рабочих

— не анархистов, чтобы иметь возможность вести среди них пропаганду, конечно, мы не можем ожидать, чтобы они сделались анархистами, прежде их группировки. Помати находит, что никогда еще не было видно, чтобы анархисты заходили так далеко. Что касается меня, то я говорю, что уже двадцать лет, со времени Интернационала, мы никогда не думали и не говорили иначе. И если были периоды, когда мы находились вдали от масс и оставляли свободное поле действия легалистам, то это зависело от многих причин и в особенности от правительственных преследований, которые от времени до времени ставили нас вне возможности сражаться, но никогда не было результатом нашего добровольного, продуманного желания. Наоборот, мы всегда смотрели на эти периоды, как на поражения, за которые нужно отплатить.

Поймите нас хорошенько. В анархических группах, в которых мы координируем наши силы и советуемся и сговариваемся относительно способа сделать более действительными наши усилия, мы хотим только анарх-ов, мы хотим даже группироваться только с такими анархистами, которые находят-ся с нами в полной гармонии идей и чувств, и оставаться в группе только до тех пор, пока длится эта гармония. Но вне наших групп, когда дело идет о том, чтобы вести пропаганду и воспользоваться народными движениями, мы стремимся всюду пробраться и по-

льзуюсь всеми средствами, служащими для того, чтобы группировать массы, воспитывать в них чувства возмущения, и дающими нам случай проповедывать Социализм*) и Анархию. Само собой разумеется, я подразумеваю все средства, которые не противоречат цели, какую мы преследуем: — так, на-политическая или религиозная группа, если не с целью бороться против них и расстроить их; но мы можем и должны всегда стараться организовывать массы, чтобы давать отпор капиталу и правительству. И там, где невозможно делать другое, где труд, заставляет рабочих коснеть в разобщенности и одурении, мы хорошо сделаем, за неимением лучшего, прибегая даже к вечеринкам и концертам, чтобы вызвать молодежь к социальной жизни и найти, с кем говорить. Мы не должны укреплять иллюзии тех, которые верят в возможность освобождения путем кооперативов, и мелких стачек; но мы должны быть среди них, если мы хотим вернуть в пользу наших идей кооператоров или бороться против их тенденции к обуржуаживанию, и если мы хотим помогать развитию того зачатка бунта, который находится во всякой стачке.

Мы думаем, что соглашение, ассоциация, организация, — это закон жизни и тайна силы — теперь, как и после революции.

Поэтому мы хотим сами организоваться возможно лучше с теми, кто думает, как мы. Но мы хотим также, чтобы организовались массы, как можно больше масс; как должен этого хотеть тот, кто не видит в революции це-

ли личного или партийного господства.

Ведь будущее есть только развитие настоящего; и если мы хотим победы в будущем, нужно, чтобы мы в настоящем готовили элементы этой победы.

Теперь, что легалисты говорят, когда мы проповедуем организацию, что мы не анархисты, для меня безразлично. Они поступают, как буржуа, которые, говоря и, может быть, действительно, думая, что анархисты — дикари и грубые животные, когда встречаются с настоящим анархистом, т. е. с человеком сердца и здравого ума, восклицают: “но это не анархист!” Годы два или три тому назад, итальянские легалисты, копируя немцев, умудрились сказать, что анархисты лишь буржуазные свободники (*libertistes*), стоящие за частную собственность, торговлю, конкуренцию и т. д. Когда мы ответили, что анархисты самые отвязанные и наиболее логичные враги буржуазного индивидуализма и что они единственные, настоящие социалисты, нам возразили, что тогда мы не анархисты. Что же тут поделаешь?

Впрочем, излагаемые мною идеи — не мои личные идеи. Это идеи большинства Анархистов (Помати сам соглашается с этим, ибо он сожалеет об их “плачевных результатах,” в особенности в Италии и Испании) и, если я не ошибаюсь, они представляют господствующую тенденцию даже в редакции “*La Revolté*.” И нужна была вся ярость, вся страсть к задеванию личностей, которой обладают некоторые “враги персонализма,” чтобы приписать нескольким личностям то, что составляет одно из крупных течений анархического движения.

Вот им то, можно было бы сказать: “Излечитесь от личностей.”

Е. Малатеста.

*) В 90-ых годах, наши товарищи Анархисты часто называли себя — социалистами, но их социализм не имеет ничего общего с “социализмом” новейших времен. (Прим. Ред.).

ПОРЯДОК ЗНАЧИТ ГАРМОНИЯ.

“Должен быть порядок!” Так выкрикивают в наши дни все защитники, так называемого, “порядка.” Для этого “благовоспитанного” сброда порядок может существовать только в обществе, подчиненном палке полицейского, солдата, судьи, тюремщика, палача, правителя.

Но это не порядок. По моему понятию, порядок — это гармония, а гармонии не может быть до тех пор, пока на поверхности этой планеты находятся человеческие существа, которые едят до пресыщения и человеческие существа, которые не имеют ни крохи поднести к их устам.

Если бы все было хорошо устроено, если-бы каждый человек имел достаточно пищи и мог бы достать кров, не платя ренты — словом, если-бы при минимуме здорового труда, каждый мог добыть необходимое для приличной жизни, — никто не имел бы дерзости заявить: “Я более великий человек, чем ты. Подчиняйся мне.”

Тогда там был бы истинный порядок, ибо там была бы гармония. Люди не враждовали бы, люди не завидовали бы один другому. Мы были бы все братьями; и полицейский, солдат, судья, тюремщик, палач и правитель были бы излишни. Они были бы ненужны потому, что по достижении гармонии между человеческими существами завоеванием экономической свободы, — паразитизму чиновников не было бы никакого разумного оправдания к существованию.

Чиновники не являются, как обыкновенно думается, охранителями порядка. действительный порядок, который является гармонией, не требует

охранителей, как раз потому, что он есть порядок. Это беспорядок требует охранителей; беспорядок — безчестный, гнусный унижающий уже потому, что мы не родились быть рабами — правит в настоящее время политической и общественной жизнью.

Беспорядок... ибо один класс общества подавляет другой класс, ибо не может существовать более одного класса производителей — рабочих. Человечество станет рабочим классом, когда земля и машины сделаются собственностью всех, ибо тогда всем нужно будет работать для того, чтобы есть.

Это — поддержание беспорядка, т.е. поддержание политического и общественного неравенства, привилегий высшего и подчинения низшего класса, которое делает неизбежным: правителей, законы, полицию, солдат, тюремщиков, судей, вешателей и целую ораву крупных и мелких чиновников, которые поглощают народную энергию. Существование этих чиновников не служит для защиты человечества, а для его порабощения; для удержания его в рабстве у тех, кто были достаточно хитры, чтобы завладеть землей и машинами.

Нет! Порядок не значит порабощение одной части человечества другой, а свободу всего рода человеческого. Что касается буржуазного порядка, — мы в настоящее время боремся и бьемся против него. Против такого порядка мы восстаем: “Смерть такому порядку!” Это порядок, который сковывает свободную инициативу человека, порядок тюрьмы и армейских барачков.

Смерть этому порядку!

Р. Ф. М.

ЕЩЕ О ДИКТАТУРЕ.

Вопрос, должны ли Анархисты поддерживать Диктатуру? — обсуждается повсюду, в настоящее время, и, кажется, есть много разнообразных мнений между Анархистами, в ответах.

Главными доводами за диктатуру является то, что в дни Революции сильное правительство нужно для того, чтобы путеводить нами в экспроприации средств жизни, а также, чтобы защитить нас от контр-революции; когда же опасность реакции исчезнет — истинные революционеры станут противниками временно установленной Диктатуры Пролетариата. Для того, чтобы лучше было дискутировать, нужно, считаться с нашими первыми принципами и брать их за основу. Это приведет нас к вопросу: что такое представляет собою Анархист?

Анархист прежде всего — Свободник, позволяющий каждому добиваться спасения, как, кто хочет. Он отрицает право кого-либо управлять им, но и сам не желает управлять кем-бы-то ни было. Он полагает, что прогресс достигается посредством пробуждения мысли, начала знания и действия согласно разуму и нанесению удара за ударом, оставшемуся суеверию — Власти и ея божеству — государству.

Если вы не хотите быть наемными рабами — откажитесь быть ими. Если вы ищете кооперации с вашими товарищами — берите тех, кто приходят добровольно. Образуйте свои собственные коммуны, — и самое дыхание свободы даст больше мощи вашим мышцам.

Если же, наоборот, вы начнете созидать вашу Диктатуру — вы отдадите вашу мощь кому либо из своих товарищей (не важно, как избранными); поставите их на пьедестал, и немедленно они сделаются вашими врагами.

Шелли говорит: "Власть, как опустошительная зараза, развращает все, к чему бы ни прикоснулась." Почему наши друзья, так желающие диктатуры, не постараются захватить Парламент? Они не доверяют больше этому учреждению! Наверняка, правительство под другим каким-либо именем будет также скверно пахнуть, будет также тиранить, а, равно, и сопротивляться свободе. Естественно, безрассудно для Анархистов поддерживать власть в форме "диктатуры пролетариата," а когда оружие выковано — вопить против него тотчас же, как почувствуем щипки зла: рекрутчину, лишение свободы слова и печати, и других угнетений в результате такой диктатуры.

Будем же революционерами в нашем желании перемен; продолжим нашу пропаганду и предотвратим международные войны силой, которая у нас имеется — массовым действием, свободным и самопроизвольным.

Добудем свободный доступ к почве через наши коммуны на принципе: "человек, выращивающий картофель, имеет естественное право съесть его."

Но во всех наших действиях мы проявляем дух свободы, помня, что дух свободы не знает диктатуры. Я не говорю о свободе, позволяющей кучке людей владеть землей в ущерб остальному обществу; но свободу позволяющую вашему соседу жить и проявлять себя без такой собственности. Собственность и свобода не имеют ничего общего. Я думаю, когда мы обратимся к нашим основным принципам, они поведут нас биться не только против Капитализма, Militarизма и Правительства, но и против "Пролетарской Диктатуры."

Ст Онслей.

«ГОЛОДАЙ, ЧТОБ ОНИ ПИРОВАЛИ».

Волна экономического кризиса захлестнула весь мир. Во всех странах, во всех частях света кадры рабочих снуют по улицам, ища работы. Изнуренные голодом, бледные, как тени, бродят они с утра до вечера, пытаются продать себя за кусок хлеба, но их усилия тщетны: богачи не дают работы.... А без работы положение совершенного пролетария не завидно: нет хлеба, нет одежды и нечем согреть холодную и мрачную конуру...

Много миллионов трудящегося люда находится в этом плачевном положении и нет надежды на что-нибудь лучшее. Весна, на которую многие надеялись уже прошла, прошло и лето, и приближается холодная зима. Мерными и ровными шагами идет эта косматая гостя и несет с собой ужас и муки.... Приближается холодное время, а рабочие оборваны, голодны и многие бездомны. Не завидна была их жизнь в теплые времена, но еще ухудшится она с наступлением зимы.... Стоны голодных людей гулко и тревожно носят на покрытой ложью и неправдой земель.

Стонут труженики под тяжестью современной несправедливости; стонут их исхудалые жены, матери, сестры; стонут и кричат сильными голосами их дети.... Во всех концах земли слышится этот печальный вопль; во всех ее концах обильно рассыпана ужасная нищета, а наряду с нею царит роскошь, пресыщение, довольство. Миллионы мужчин, женщин и детей, благодаря современному капиталистическому и

буржуазному обществу, очутились полунугими и умирают с голода, не потому, что не во что одеться и нечем питаться, а потому, что склады богачей буквально переполнены одеждой и пищей — купить которых рабочий не в силах, так как не имеет средств, ибо в то время, когда рабочий работал, ему платили столько, чтобы он с трудом концы с концами стягивал. В то самое время, когда бедняки задыхаются в тисках голода, — богачи бесятся от жира и пресыщения, не зная куда девать, награбленные у рабочих богатства.

Голодай рабочий — чтоб пировал богач; носи лохмотья — чтоб он одевался в шелк и бархат; живи в нетопленных и мрачных конурах — чтоб он наслаждался удобствами дворцов и палат... Голодай рабочий, мучайся, страдай и помни, что так будет до тех пор, пока ты будешь покорным, пока не сбросишь с себя тяжелых цепей рабства — капитала и власти.

Голодай и знай, что ты — хозяин, ты творец! Все, на чем останавливается твой взгляд — результат твоего труда; все по праву принадлежит тебе!

Пойми эту старую истину, организуйся с себе подобными, пожелай коренной перемены во всем существующем строе, пожелай страстно всей душой, всем своим существом — и она совершится.... Все скверное и несправедливое рухнет под твоим мощным напором, потому что ты могуч и всемогущ. Богачи, правительство с их законами — этот ненужный и отврати-

тельный нарост на твоём теле, — мешает тебе жить свободно и пользоваться твоими трудами, — сбрось их и ты свободен. Возьми назад награбленное у тебя веками богатство — собственность, ибо ты — хозяин всего, что создано тобою и все по праву, принадлежит тебе.

И тогда на твоём небосклоне взойдет яркое солнце добра, справедливо-

сти, равенства и братства. Только тогда не будет голодных стонов, только тогда не будет лохмотьев и нищеты! Пойми это, брат рабочий, пожелай уничтожения современного неравенства и оно уничтожится под твоим сильным напором, ибо таких, как ты, бесконечно много.

Д—о.

— 0 —

»КОММУНИЗМ« И КОММУНИЗМ

„Мы, Анархисты, не боимся того, что народ зайдет слишком далеко; наоборот, мы боимся, что он станет на пол-дороге. Полумеры никого не удовлетворяют. Если это случится, революция будет проиграна. Средины не может быть: или чистый Анархический Коммунизм, или капитализм.“ (’Х. и В.“) — Так писал наш покойный товарищ и учитель, П. Кропоткин. Великая и святая истина! Слова, сказанные десятки лет тому назад, еще до Русской революции 17-го года, сбылись.

Это не было пророчеством, а простым неоспоримым логическим выводом уроков истории. Смотря на ход событий в России, или вернее, на развитие революции, можно было заметить сразу, после октябрьского переворота, когда Большевики стали у власти, что революция была приостановлена, хотя многим и казалось, что она развивается. Все завоевания народа произошли до октябрьского переворота (хотя большевики и утверждают, что они, а никто другой, дали народу землю, фабрики и т. п.) и новому правительству пришлось лишь утвердить на бумаге то, что народ совершил на деле. Но эти завоевания были не полны: экспроприация коснулась лишь земли и крупной промышленности, а вся мел-

кая осталась в частных руках; частная собственность продолжала существовать, и институты власти и религии остались, несколько видоизменив свою внешность. Государственная машина, пошатнувшаяся было на своих старых устоях, начала поспешно укрепляться новым правительством. Власть сконцентрировалась в руках одной партии Большевиков, которые окрестили себя коммунистами; церковь была лишь отделена от государства, но как институт продолжала существовать. Следовательно, все институты рабства, которые народ успел полуразрушить, постепенно восстанавливались новыми политическими жонглерами. Народ, вместо того, чтобы самому вести дело своего освобождения, доверил его снова в руки политической партии и тем самым выковал себе новые цепи рабства. Даже многие из наших товарищей, увлекшись революционностью большевиков, пошли с ними рука об руку, помогая закабалению народа. И что же получилось?

После четырех-летнего эксперимента, идеи Маркса оказались не соответствующими желаниям народа и противным его интересам; и ни диктатура, ни дисциплина, ни молитвы ”советских“ (как они себя называют) попов—

не помогут их воплощению в жизнь. Да и не мудрено, кабинетные теории всегда терпят поражения при соприкосновении с действительностью. Уверения большевиков и их прихвостней в том, что благодаря несознанию российских трудовых масс, коммунизм немислим в России, поэтому, мол, и приходится отступать назад к капитализму, — не производят "должного" впечатления на революционных рабочих мира; рабочие лучше политических вожakov знают чего они сами хотят и не могут верить такого рода сказкам. Они ясно сознают, что причина поражения революции кроется не в "несознании" масс России, а есть другой и более важный корень зла, который мешает развитию и тормозит революционное творчество масс. Поскольку это в моих силах, я постараюсь отыскать этот корень зла.

Революция никогда не делается кем-то по заказу, а она проявляется внезапно, и всегда в связи с каким нибудь общественным бедствием: война, голод, безработица и т. п. Обыкновенно, народ, доведенный до отчаяния, хватается за оружие и выступает против своих угнетателей. Веками накопившаяся злоба и гнев выливаются в открытое возмущение, и народ начинает мстить своим классовым врагам — капиталистам и разрушать те учреждения, которые мешали ему жить довольной и счастливой жизнью. Начинается экспроприация всего народного имущества. В этот момент необходимо напечь все свои силы и старания, чтобы экспроприация коснулась не только одних крупных предприятий, но всех предметов потребления, всех средств производства; необходимо отобрание в пользу всего общества не только земли, но и фабрик, заводов, железных дорог, шахт и т. д. Только таким образом будет нанесен решительный и последний удар частной собственности, только таким образом мы обессилим наших врагов, ибо мы оставим для общественных паразитов два исхода: или погибнуть, или же отказаться от своего господства и вступить в ряды тру-

дящихся, стать самим рабочими, как и все.

В России этого не произошло; и в этом заключается ошибка народа — преступление тех, кто не допускал народ до полной экспроприации.

Надо стараться предотвратить всякие попытки сохранить, или же восстановить какие-либо правительственные учреждения, ибо, если народ даст возможность разным политическим прайдохам стать у власти, рано или поздно, но непременно, он останется у "разбитого корыта." "Государство — историческая формация, явившаяся в известное время в жизни народов на место свободных союзов. Его установили: церковь, закон, военная сила и богатство" (Кроп.).

Следовательно, государство нужно не народу, а кучке правителей, которые будут всегда приказывать, повелевать и посягать на свободу других. "А свобода, нравственность и человеческое достоинство заключается в том, чтобы делать хорошее не по приказанию, но по собственной воле, по собственному убеждению," — говорил Бакунин.

В России случилось как раз то, что государство, как таковое, не было затронуто, и снова заработала казенщина... Убита всякая творческая деятельность российских масс, отнятием у нее права на свободное проявление личной инициативы. В этом заключалась вторая ошибка народа и величайшее преступление всех тех, кто стремился к власти и кто способствовал укреплению ее.

Не менее вредный, третий враг народа — Церковь. Церковь всегда и везде является сторонником государства. Она в течение тысяч лет говорила народу, что все угнетатели-правители являются ставленниками Бога и всякое выступление против них — великий грех; "нет власти, которая не от Бога", — затемняла умы трудящихся Церковь. Церковь очень быстро приспособляется к переменам: вчера она была за монархию и царя, сегодня она за республику буржуазии, а

завтра она будет молиться за "революционное" правительство. Восставший народ должен уделить внимание и этому институту и прекратить его функции. Вместо этого, Большевики дали возможность черным коршунам, попам, продолжать затемнять и обманывать народ. Они знали все влияние Церкви на народ и не желали нажить сильного врага, думая, что с помощью ее они скорее обуздадут революционные порывы масс.

Вместо укрепления старого или создания нового правительства — его надо было уничтожить и не дать возможности возникнуть; вместо оставления частной собственности или обращения ее в государственную — надо было обратить все богатства в пользование всего народа и его распоряжение; вместо отделения Церкви от государства (для успокоения совести?) — надо было лишить этот вредный народу институт всякой возможности существования; необходимо было наладить производство согласно потребностям самих производителей и распределение продуктов вести

самому народу повсеместно на местах; необходимо нужно было уничтожение деления на классы или категории — ибо в коммунальном обществе может быть только один класс — класс производителей.

Большевистское правительство силой подавило всякое поползновение народа на пути этих осуществлений. В этом и заключается поражение Русской Революции. Не в массах надо искать причину неудачи, ибо она находится в самой теории и тактике Большевиков, их "революционным" обмане.

Большевики оставили народу один урок своим "насаждением" коммунизма: властный коммунизм не может быть применим на практике, ибо он является миражем, как и "Диктатура Пролетариата", как и "концентрация капитала". Только Анархический Коммунизм, коммунизм без государства и власти, способен удовлетворить нужды народа.

Итак, дорогу Анархизму, господа Марксисты!

Р. Николаев.

— 0 —

ВОЗРАЖЕНИЯ АНАРХИЗМУ

Джордж Баррет.

(Продолжение)

Номер 16-ый.

Если бы вы могли сбросить завтра же правительство и установить Анархизм, та же система вскоре выросла бы опять.

Это возражение вполне справедливо, если не считаться с тем, что мы не предполагаем свергнуть правительство завтра же. Если бы я (или мы, как группа Анархистов) пришел к заключению, что мне предстоит быть освободителем человечества, и если бы, каким

либо образом, я сумел взорвать короля, парламент, полицию, — одним словом, всех лиц и все учреждения, из которых составлено правительство, — если бы я успел в этом и надеялся бы, что люди будут пользоваться свободой навсегда в результате всего этого, тогда, вне всякого сомнения, я оказался бы жестоко заблуждающимся.

Главным последствием моих действий было бы возбуждение глубокого негодования со

стороны большинства людей, и реорганизации ими всех институтов правительства.

Причину, почему этот метод будет неудачным, очень легко понять. Просто потому, что сила правительства обретается не в нем самом, а в народе. Величайший тиран может быть и дураком, но не сверх-человеком. Его сила заложена не в нем самом, а в предрассудке народа, который считает нужным повиноваться ему. Пока этот предрассудок существует, — бесполезно отрубать голову тирании освободителем; народ создаст другую, ибо они привыкли полагаться на что-нибудь вне их (какую-либо постороннюю силу).

Но предположите, что народ разовьется, станет сильным в своей любви к свободе, будет полагаться на свои силы, — тогда его передовые бунтари сбросят тиранию, и, поддерживаемые общим сочувствием их современников, их деяние не будет осуждено или старое восстановлено. Тирания никогда не восстановится из мертвых. Одна ступень в прогрессе человечества будет пройдена и навсегда оставлена позади.

Поэтому, когда Анархист-бунтарь наносит удар правительству, он не считает себя избавителем, с божественной миссией освободить человечество, но является частью этого человечества, пробивающегося вперед к свободе.

Если, поэтому, посредством каких-либо внешних сил, Анархическая революция могла бы, так сказать, быть представлена по заказу и навязана народу, — правда, он отверг бы ее и восстановил бы старое общество. Если же, напротив, народ разовьет идеи свободы, и тогда освободится от последней опоры тирании, правительства, — тогда, на самом деле, революция будет завершена окончательно.

Номер 17-ый.

Если вы устранили правительство, что поставите вы на его место?

Такой вопрос кажется Анархисту очень похожим на то, если бы пациент спросил доктора: "Если вы избавите меня от болезни, что дадите вы мне взамен ее?"

По мнению Анархистов, правительство не выполняет какой-либо полезной функции. Большинство его деяний — вредно, а остальные могли бы делаться гораздо лучше без его вмешательства. Оно является главной конторой барышников, ростовщиков и всех тех, которые только берут от общества, но ничего не дают ему. Когда этот класс будет уничтожен народом, организовавшимся так, что трудящиеся слои будут управлять фабриками и пользоваться землей на пользу их свободных коммун, т. е. для своей собственной пользы, — тогда правительство также должно быть сметено, ибо его назначение (?) исчезнет. Единственная вещь, которая тогда будет поставлена вместо правительства — будет свободная организация рабочих.

Когда Тирания упразднена — остается Свобода; также, когда болезнь искоренена — остается здоровье.

Номер 18-ый.

Мы не можем все согласиться и думать одинаково и быть совершенными, а потому необходимы законы, или у нас будет хаос.

Потому то и нужен Анархизм, что мы все не можем согласиться. Если бы мы и думали одинаково, то решительно ничего бы не значило, если бы мы имели общие законы, которым бы все мы и подчинялись. Но так, как многие из нас думают разное, то становится нелепым пробовать принудить нас всех действовать одинаково посредством правительства, которое мы, по глупости, называем представительным.

Здесь затронут один очень важный пункт. Анархисты только потому и являются анархистами, что признают непеременимой необходимостью допущение этого различия между людьми. На самом деле, весь прогресс всег-

да сопровождается процессом подразделений, или увеличений различия составных частей. Если мы возьмем самый примитивный организм, мы увидим, что он — просто малюсенький шарик плазмы, т. е. **живой материи**. У него нет никаких подразделений, или, говоря иначе, все его части — одинаковы. Ближайший высший организм по эволюционной градации уже имеет развитый нуклей (ядро). Теперь уже это крошечное существо состоит из двух явно различных частей: клеточной оболочки и его ядра. Если бы мы продолжали сравнение разных организмов, мы нашли бы, что все организмы более совершенного свойства составлены из груды этих крошечных организмов или клеточек. В самых первоначальных из этих комбинаций нет значительного различия между одной клеточкой и другой. Если же мы пойдем дальше, то увидим, что некоторые клеточки в группах взяли на себя известные отправления, и с этой целью и соединились особым специальным образом. Шаг за шагом, когда мы подойдем к высшим животным, мы найдем, что этот процесс так уже подался вперед, что некоторые клеточки сгруппировались вместе для образования дыхательного аппарата, т. е. легких; другие ответственны за циркуляцию крови; а еще другие составили нервные ткани, и так далее; они, как мы говорим, составили различные "органы" тела. Пункт, на который приходится обратить внимание — тот, что чем ни выше поднимаемся мы в животном или растительном царстве, тем большее различие находим между крошечными единицами или клеточками, из которых составлено тело или организм. Прилагая этот довод к общественному организму, станет ясным, что чем более развитым делается организм, тем более будут различаться и единицы (люди), и органы (учреждения и группировки), которые составляют его.

(Ответ на возражение, основанное на предполагаемой необходимости контролирующе-

го центра для "общественного организма", найдете в возражении 21-ом).

Когда, поэтому, мы хотим прогресса, мы должны позволить людям разниться. В этом и заключается существенная разница между Анархистами и сторонниками правительства. Правительство всегда стремится сделать людей однообразными. Это до такой степени верно, что в большинстве стран оно действительно насильно впахивает их в солдатскую или тюремную форму. Таким образом, правительство показывает себя величайшим реакционным элементом и явлением. Анархисты же, наоборот, хотят сломить эту реакционную силу и предоставить место развитию новых идей, нового роста и новых учреждений, дабы общество могло быть чувствительным к влиянию его действительно великих людей, к окружающей среде, какова бы она ни была.

Гораздо легче подойти к этому возражению с более простым ответом. Действительно, вполне ясно, что, если бы мы все соглашались, или же нас бы принудили действовать, как согласных, — мы не могли бы иметь никакого прогресса. Перемена может произойти только тогда, когда кто-либо не соглашается с существующим и с помощью небольшого меньшинства успеет провести в практику это несоглашение. Никакое правительство не признает этих фактов, и, следовательно, весь прогресс идет вопреки правительствам, а не посредством их.

Меня берет искушение коснуться еще других доводов, но я и так уделю слишком много места этому вопросу. Позвольте же мне прибавить только один пример из открытий новейшей науки. Каждый знает, что в жизни растений бывают также половые отношения и половые склонности, как и в животном мире, и у многих из нас имеется поспешное заключение, что пол развился с целью воспроизведения потомства. Изучение предмета, как бы ни было, показывает, что растения были полностью снабжены средствами

воспроизведения перед тем, как у них появились первые признаки пола. Перед наукой встал вопрос: что же за польза была в развитии пола? Ответ на эту загадку, как нашли, лежит в том факте, что "половой метод" воспроизведения увеличивает различия так, как не может никакой другой метод воспроизведения."

Если я разработал этот ответ немного больше, так это потому, что я желал заинтересовать (но никоим образом, удовлетворить) каждого, который видит важность темы. Полезная работа ожидает какого-нибудь энтузиаста, который научно рассмотрит дифференциацию и покажет приложимость ее фактов к организации человеческого общества.

Номер 19-ый.

Если вы упраздните правительство, — вы уничтожите и брачные законы.
Да, мы это сделаем.

Номер 20-ый.

Как вы урегулируете половые отношения и семейные дела?

Любопытно, что сентиментальные люди заявляют, что любовь является нашим величайшим свойством, а свобода высочайшим возможным состоянием. И все-таки, когда мы предлагаем, чтобы любовь была свободной, они содрогаются и ужасаются.

Есть одно действительно настоящее за-

труднение, как бы то ни было, которое люди встречают относительно этого вопроса. С очень ограниченным понятием смотрят они на вещи так, как они есть сегодня и видят всякого рода отталкивающие случаи: нежелательные дети, супруги желающие освободиться от своих жен, и — нет надобности перечислять их. Для всего этого, как может видеть всякий искренний мыслитель, брачные законы не являются лекарством; но, с другой стороны, он видит также, что упразднение этих законов не будет само по себе средством.

Это верно, нет сомнения. Мы не можем ожидать хорошо уравновешенного человечества если мы допускаем свободу в одном пункте и рабство в остальном. Движение по направлению к свободной любви — только логично и полезно, если оно вменяется как часть общего движения к эмансипации.

Любовь сделается нормальным и здоровым условием, когда она установится в мире без трупов и нищеты, и без всех побуждений к преступлениям, которые существуют сегодня. Когда достигнется такое положение, тогда будет безрассудно связывать мужчин и женщин вместе, или же держать их врозь, посредством закона. Свобода и добровольное соглашение должны быть основой этого существенного соотношения также, как и в других отношениях.

(Окончание в следующем номере)

— 0 —

СОЦИАЛИЗМ И АНАРХИЗМ.

Много времени существуют эти две идеи, много погибло людей на баррикадах, эшафотах и в тюрьмах, много страдают и в настоящее время; но многие не понимают разницы, многие не знают той пропасти, которая отделяет эти две идеи.

Я не задаюсь целью детально выяснить их разницу, ибо она мне не по силам, но я лишь постараюсь показать в каком соотношении находятся они, иначе говоря, провести параллель между ними и вывести кое-какие заключения.

Часто, очень часто происходит смешение Анархизма и Социализма в одно понятие, даже нашими старыми теоретиками, как Кропоткин, ибо судят они о социализме по тому, каковым он был в теориях действительных “свободников” еще до Маркса. Маркс развивал идеи властного социализма, т.е. одно течение социализма, а другое течение социализма, безвластное, было уже при самом начале известно под именем Анархизма. Поэтому, мы, употребляя термин, социализм, говорим о властном социализме.

Прежде всего, социализм ставит себе задачей благо общества, попирая благо личности; Анархизм же имеет целью благо каждой отдельной личности, входящей в общество, ибо только совокупность благ отдельных личностей определяет благо общества. Стремление социализма — равенство; стремление Анархизма — свобода. Социализм полагает, что равные люди станут свободными, что справедливое общество создаст свободную личность; Анархизм полагает, что только при условии свободы люди могут быть равными, что свободные личности создадут и справедливые взаимоотношения. Мечта социализма — всемирное объединение, а мечта Анархизма — всемирное освобождение. Социализм мечтает о создании государства с добрыми правителями, вместо злых; Анархизм же, отвергая всякую власть человека над человеком, противник государства и правительства, полагает, что добрые правители — пустая мечта. Социализм покорно склоняет свою голову и подчиняется большинству; Анархизм берет под свою защиту меньшинство и признает его полную свободу, зная, что меньшинство, а не большинство, двигает человечество вперед, что все переловые идеи — идеи меньшинства. По

учению социализма надо сверху сравнивать, а потом освобождение придет само; надо выжать из личности все живые соки для общества, а потом, когда личность будет использована, она может рассчитывать на благотворительность общества; по учению Анархизма нужно предоставить освобожденному народу самому заняться справедливым уравнением, согласиться всем ничего не требовать один от другого и ничего не навязывать, а предоставить каждому давать по силе и возможности и брать по своим потребностям — нуждам. Всякое соединение, ассоциация враждебны личности, а потому и непостоянны, если они основаны не на добровольном соглашении личностей, не на их интересах и стремлениях. Поэтому и социалистическое общество враждебно личности, как враждебно было ей феодальное и как ненавистно ей капиталистическое. Анархизм понимает противоречия и разногласия в таком обществе, и заглянув поглубже в учение социализма, увидел тот непримиримый раздор личности с обществом, который он (социализм) готовит миру. С своей стороны, Анархизм предлагает общество свободных людей, и свободную группировку личностей во всех отраслях жизненных проявлений.

Анархист любит свободу и ненавидит насилие; жаждет справедливости и любви, но знает, что насилие не порождает их. Анархист видит источник зла не в лицах, а в самой идее власти человека над человеком, как на экономической почве, так и на политической. Зависимость, какого бы то ни было рода, порождает и подчинение, порождает рабство. Только Анархизм стремится осуществить заветную мечту человечества, предоставляя возможность сообществу людей, обусловленного не внешней необходимостью, но

внутренним влечением одной личности к другой.

Поэтому, Анархизм — не одно и то же, что и Социализм, а противоположность ему, и пойдя путем Социализма, мы не можем надеяться достигнуть Анархизма. Точно также и ком-

мунизм анархический, является совершенно отличным от коммунизма социалистов.

Пусть же все те, кто действительно хотят свободы, следуют Анархии.

И. И. Б.

— 0 —

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА:

КОЕ-ЧТО О СИНДИКАЛИЗМЕ.

Три опоры капитализма: Власть, Религия и Собственность, служат ему, как бы, артериями, по которым он выпускает свой убийственный яд и, посредством которых, он тянет соки общества. Потому, вполне естественно, вокруг этих опор и должна главным образом сосредоточиваться борьба против капитализма.

Действительно, все торги, все перебранки, часто принимающие характер серьезных осложнений между угнетенными и угнетателями, происходят в области политической (Власть) и в области экономической (Собственность), область же Религии не так выпукло вырисовывается на фоне борьбы, хотя там происходят тоже своего рода трения. Как в политическом течении имеется элемент, стремящийся лишь к кое-каким обновлениям (реформам) через парламент, так и в экономическом течении имеется подобное же направление. Борьба за преобладание в парламентах была в достаточной степени дискредитирована на практике социализма в Западной Европе. Парламент, как определитель права и установитель законов, целесообразен лишь там, где царит несправедливость; там же, где водворяется справедливость, закон и право настолько нужны, насколько нужна лампа при сиянии солнца. Следовательно, более близкой интересам рабочих является борьба в об-

ласти экономической. Сомнений быть не может! И важны здесь не временно облегчающие паллиативы, а изменение самой сущности положения; и потому, все течения, частичные и узколинейные, не могут принести существенной пользы. Сепаратная, узколинейная борьба против капитализма напоминает собой борьбу против отдельной руки или ноги человека, не касаясь его туловища.

Возможно, что подобным методом борьбы тоже удастся когда-либо победить капитализм, но при такой борьбе, капитализму дается время и возможность укреплять свои позиции, да и (что еще хуже) в случае смерти, опять воскреснуть. Например, в случае победы над капитализмом в политической области, победителям может угрожать опасность в области экономической, и наоборот. (Пример — Россия и, отчасти, Италия). Кроме того, обыкновенно, упускается из виду третий оплот капитализма — Религия, которая очень хитро может вставлять палки в колеса колесницы победителей.

Все это свидетельствует, что односторонней, не выходящей из рамок узкого течения борьбой победить капитализм невозможно; можно этим нанести ему серьезную рану, можно причинить значительную боль, — но от всего этого капитализм может легко оправиться.

Для того, чтобы окончательно "уложить" капитализм, необходимо атаковать его по всему фронту, возбудить против него всестороннюю борьбу.. Такую борьбу и предлагает Анархизм.

В политическую и религиозную область борьбы Анархизм врывается лишь с целью нанести полное поражение Власти и Религии. За пределами борьбы и после поражения их, по мнению Анархистов, должно начаться ничто. Экономическая же борьба является для Анархизма борьбой со следствием, т. е. за пределами борьбы и разрушения в этой области, Анархизм видит и созидание нового.

Резюмируем: На развалинах Власти Анархизм видит ничто, на развалинах Религии тоже ничто, а на развалинах Собственности— Свободное Общество.

На основании этого, роль Анархизма в области политической и религиозной — борьба и разрушение, а в области экономической — борьба и творчество. Это — одно свойство, которое служит связующим звеном Анархизма с борьбой, главным образом экономической, а не политической. Другое свойство, — то, что трения рабочих с капиталистами происходят более всего на экономической почве, и Анархисты невольно вовлекаются в сферу этих трений и поприще этой борьбы, борьбы экономической. Поэтому то, перед Анархистами всегда и вечно стоит вопрос об их отношении к организациям на экономической почве, по-просту говоря, к синдикализму. Вопрос этот неоднократно вызывал самые страстные дебаты и прения на страницах анархической прессы, и возможно будет дебатироваться до тех пор, пока существует положение, подобное настоящему.

Если говорят синдикалистам, что Анархизм и Синдикализм, суть понятия неодинаковые, — синдикалисты с негодованием подымают неистовый шум и гам и стараются окончательно заплевать говорящих. Они в подобных случаях не поспевают приложить все старания и усилия, чтобы Анархизм и

Синдикализм слить воедино. Если же синдикалистов упрекают в консервативности синдикализма, — они в свое оправдание, вслед за Ивто, повторяют: "что-ж, синдикализм — это еще не анархизм, и консерватизм ему упреком быть не может"! Произнося это, синдикалисты тем самым, не только разграничивают анархизм от синдикализма, но революционность приписывают исключительно первому.

Следовательно, если синдикализм еще не анархизм, — между ними должна проходить какая-то грань отличительности, в противном случае, синдикализм не мог бы быть не анархизмом.

Некоторые, касаясь этой грани между анархизмом и синдикализмом, утверждают: "цель, как анархизма, так и синдикализма — одна и та же, но методы достижения — разные". Подобное утверждение, не смотря на свою логичность, слишком поверхностно. Разница методов, при наличии единой цели, не может играть значительной роли: ибо цель, несомненно, важнее методов. Для более успешного, для более скорого и для более возможного осуществления общей цели, в методах очень легко столкнуться, тем паче, что здравый смысл и обоснованная логика здесь этого требуют. Если же этого нет, если методы анархизма и синдикализма продолжают быть неодинаковые: значит, корень их отличительности лежит где-то гораздо глубже, ближе к цели.

Цель, как анархизма, так и синдикализма — уничтожение капитализма посредством революции. Слово "революция", начертано на знаменах, как анархизма, так и синдикализма. Оба они стремятся к революции. Но революция в данном случае — не цель, а метод. Анархизму не столько важно то, что в революции, сколько то, что за революцией. Революция является Анархизму, как бы дверью, посредством которой он входит в свободное общежитие.

Свобода — вот конечная цель Анархизма! У Синдикализма (по крайней мере, у револю-

ционного синдикализма) тоже чуть, чуть слышно, как из-за гробовой доски произносятся, "Свобода"! Но эта свобода, настолько туманна, настолько расплывчата, и настолько отдаленна, что одному только Аллаху известно, кому суждено ее постичь. Для Анархизма, как было замечено выше, революция является как бы дверью, пройдя которую общество сразу вступает в свободное общежитие; для Синдикализма же, за порогом революции, начинается длительный период эволюции, во время которого общество постепенно приравнивается к Свободе. Эта часть тактики Синдикализма, ничуть не отличается от тактики социалдемократии. Разница лишь в том: согласно социалдемократическому поветствованию, общество должно "подтрюхивать" к свободе политической дорожкой; согласно же синдикалистическому — экономической. Таким образом, на другой день после революции, отличительность анархизма от синдикализма значительно расширяется. Анархизм сейчас-же после революции переходит к полной свободе; общество покрывается сетью вполне автономных организаций, сливающихся в одну великую, могучую, дружную и всюду равную Федерацию. Синдикализм же после революции быстро сколачивает центр, (синдикализм ведь в принципе организация — централистическая,) в обязанности которого входит — урегулирование новых жизненных форм, и подтесывание общества (этого глупого, неуклюжего ребенка,) к восприятию свободы.

Центр ждать себя не заставит: быстро строчатся постановления и указы, и рассылаются в соответственные места с требованием беспрекословного их выполнения. Насколько эти постановления могут быть целесообразны, насколько соответственны — это вопрос другой; но несомненно, найдутся личности, которые по тем или иным причинам, не смогут выполнить этих постановлений. Для того же, чтобы указания выполнялись как можно быстрее, как можно аккуратнее, необ-

ходимо будет прибегнуть к наказанию, на почве которого создастся своего рода юриспруденция, и ее олицетворители: судьи, адвокаты, палачи, и т. д.... И будет-ли чемнибудь отличаться, созданный таким образом центр на экономической почве от политического центра?

Разве наказываемому не одно и то же — наказывают ли его от имени Государства, или от имени Главного Комитета?... Об усовершенствовании же общества при таких обстоятельствах, о приближении его к Свободе, т. е. об ослаблении центра, (ибо в таком случае, поднятие свободы равносильно падению центра), можно судить по тому, как буржуазия способствует переходу общества от капитализма к коммунизму. История не помнит, чтобы класс или группа лиц, пользующаяся привилегией, способствовала упразднению этой привилегии. Центру никогда не настанет благоприятное время отмирания; те или иные недостатки общества всегда будут; следовательно, всегда будет предлог для существования протекции (покровительства) центра.

Этот заколдованный круг сильно напоминает собой человека принявшегося ловить свою тень.

Однако пора оговориться: здесь все сильно пропитано оптимизмом; здесь в лице левого течения, синдикализм взят, как целое, что очень далеко от истины. В сущности, левое течение (антигосударственническое) синдикализма — незначительно, и в случае революции, более чем вероятно, что верх возьмет правое течение, т. е. государственническое.

Русская революция очень наглядно доказала, какой магнитной силой государство является для синдикализма. Как только оформилось, так называемое, "рабочее государство", в течении синдикализма очень заметно наметился сдвиг в сторону этого государства. А русские проф-союзы (профес. союзы) до того размокли, до того растаяли под дыханием государства, что последнее, спевшись с вожа-

ками, без малейшего сопротивления, вдавливает их в любую форму.

В постановлениях X-го Съезда Р. К. П. о роли и задачах П. С. в седьмом параграфе читаем:— "Р. К. П. в лице ее центральных и местных организаций, направляет всю идейную сторону работы профсоюзов. Подбор руководящего персонала профессионального движения, должен протекать при направляющем контроле партии"... (Курсив мой, А.)

Это значит, что правительство имеет полное право, подбирать и назначать должностных лиц организации, являясь, таким образом, фактическим хозяином "чужой" организации. (Чужой! Потому, что правительство не может входить в состав профессиональных организаций: во-первых, само правительство этого не желает, дабы не дать таким образом профессиональным организациям стать господином положения; во-вторых, правительство, по своей специальности, не может быть профессиональными работниками.) Подобную попустительность, подобный индифферентизм членов организации, трудно заметить даже среди самых рабски воспитанных организаций. Этим очень ярко, и очень характерно отмечается вся безжизненность, бесцельность, бесформенность, недалекость и односторонность членов профессиональных организаций, только и знающих — плясать под дудочку своих вожakov. При таком индифферентизме членов, и при таких полномочиях вожakov, очень мало шансов на то, чтобы революция на экономической почве приняла антигосударственный характер.

Но необходимо еще раз оговориться. Необходимо заметить, что революция на экономической почве, ни что иное, как детские грезы. Государство не является рабом капитала, в обыкновенном смысле этого слова, как это понимают синдикалисты. Правда, функции государства — ничто иное, как функции службы, но эта служба настолько привилегирована, настолько выгодна, что этот капиталистический слуга — государство, в

случае беды своего господина, не только не станет радоваться этой беде, но всеми силами будет стараться выручить из беды господина своего. Толкование о том, что с захватом рабочими в свои руки всех производств, государство лишится своей мощи — неосновательно. Даже если бы действительно рабочим удалось захватить все предприятия, то и тогда в распоряжении государства остается строго-дисциплинированная и с ног до головы вооруженная армия, флот, полиция и другие опоры, которые при помощи "сынков общества" и черносотенных банд, очень легко могут нанести удары восставшим рабочим. Революция может быть успешной и верной лишь тогда, когда окажутся захваченными не только предприятия, но когда будут разрушены все государственные учреждения; когда будет распатана слепая покорность армии; когда окажется закованным каждый полицейский, сыщик, государственный чиновник и т. д.

Словом, когда дух разрушения будет проявлен на каждом шагу!....

А для этого одного, пресловутого толкования о перенятии производства — недостаточно; и это толкование далеко не отвечает своему назначению. Перенятие, это значит полное согласие с обеих сторон, т. е. как со стороны вступающей, так и со стороны уступающей. Перенятием может быть наследственный процесс, или вообще замена, при торжественной обстановке, одних руководителей другими, чего, конечно, никогда не может быть между рабочими и капиталистами. Не перенятие, а **отня**тие у капиталистов производства, должно быть кличем рабочих!

Однажды анархист Малатеста, дискуссия о синдикализме, заметил: — "Синдикализм, как порождение капитализма, развивается по линии начертанной капитализмом"!...

Такое мнение о синдикализме звучит довольно странно, и даже оскорбительно, чтобы революционный синдикализм развивался по

линии начертанной капитализмом. Казалось бы, что Малатеста должен был получить самую достойную отповедь за подобную огульность. Но к общему удивлению Малатеста оказался прав. С его мнением согласились, как антисиндикалисты, так и синдикалисты.

Синдикалист Раевский, возражая Александру Ге, в сущности лишь поясняет мысль Малатесты. Раевский, этот защитник синдикализма, не мог конечно, не согласиться с тем, какое огромное влияние имеют объективные условия на построение синдикализма. Согласившись же с этим, Раевскому ничего другого не оставалось, как только примириться с тем фактом, что синдикализм находится в зависимости от состояния капитализма. Напротив, в период расцвета национального капитализма, — синдикализм более всего способен к восприятию консерватизма и реформизма. И наоборот: в период упадка состояния национального капитализма, — синдикализм более чувствителен к духу революционности. Объясняется это тем: расцвет состояния капитализма, позволяет ему быть до некоторой степени уступчивым и не так требовательным к рабочим; упадок же состояния, вынуждает его быть более скупым и более требовательным.

Довольно трудно допустить это мнение, как целое, ибо жадность капитализма не имеет границ, и, даже в период расцвета, значительно не уменьшается. Но несомненно, что здесь есть значительная доля правды; несомненно, что в благополучном (а когда оно неблагополучно?) состоянии, капитализм скорее соглашается бросить своим рабочим более мясистую косточку и, тем самым, извратить их нрав и настроение. Консерватизм английских тред-юнионов, главным образом и объясняется тем, что капитализм Англии, прежде капитализма других стран, достиг высшей степени расцвета. Подобное можно наблюдать и в Америке, где капитализм в последнее время достиг удивительного расцвета. Ослепленные блеском национального капитализма, американские тред-юнионы, параллельно

с развитием капитализма, дошли до неимоверного консерватизма. Даже революционная часть этих юнионов, свою организованность обосновывает скорее всего на чисто мелочной подкладке. Получить ежедневно 5-6 дол., скушать приличный ужин, надеть крахмальный воротник, отправиться в кинематограф, или в банк, в день полочки, вот основные цели "организованности" обыкновенного рабочего, не говоря уже о мастерах.

Достигнув этого, американский рабочий больше ничем не интересуется; и только периодически повторяющаяся безработица, или вообще урезывание жалования, вынуждают его иногда шевельнуться. Не будь этих кризисов, не будь этих урезок, а на место этого хотя бы самые слабенькие прибавки, — можно быть уверенным, что американские тред-юнионы, стоящие на точке зрения синдикализма, окончательно согласились бы с существующим положением вещей.

Как видно, объективная сторона здесь всегда господствует над субъективной, чисто животные (желудочные) интересы личного характера, заглушают сознание общих идейных стремлений. Личность, здесь, занята исключительно мелочными "сегодняшними" удовольствиями. Большой кусок хлеба — и личность довольна: меньший — личность не довольна! Такая мелочность, такая "шкурность" поистине сводят всю деятельность членов профессиональных союзов к повседневно-конкретной заботе, что имеет очень мало общего с великим делом полного освобождения рабочих.

Революционному течению не должно делать разницы состояние капитализма. В каком бы состоянии капитализм не находился, он — враг всякой революционности. Проснувшиеся рабочие, а тем паче, организовавшиеся (синдикалисты, ведь это — организовано-выступающие против капитализма), с одинаковой силой и энергией должны бороться с капитализмом, как в период его расцвета, так и в период его упадка. Сознав вред капитализма, рабочие не могут и не должны прельщаться

”щедростью“ и ”уступчивостью“ капитализма; их революционность, их конечная цель достижений, не могут улетучиваться при наличности большего куска бифштекса: ибо сегодняшнее довольство рабочего, при существующей системе капитализма, завтра может замениться голодом.

Было бы еще до некоторой степени терпимо, если бы зависимость синдикализма от капитализма, была обоюдною, т. е. если бы капитализм находился в зависимости от синдикализма постольку, поскольку последний зависит от первого. В таком случае, желая поднять или удержать революционность синдикализма, была бы возможность посредством последнего способствовать упадку состояния капитализма. Но ничего подобного! Зависимость остается односторонней; зависит лишь синдикализм от капитализма. При таком взаимоотношении, вполне естественно, что синдикализм должен двигаться по линии начерченной капитализмом.

Двигаясь по этой линии, синдикализм тем самым не может оправдать возложенных на него обязанностей — освобождения пролетариата. Сосредоточивая всю свою деятельность в торгах и перебранках с капитализмом в стенах предприятий, синдикализм, таким образом,

создает себе узкую мишень, на возню с которой он приспособляет всю свою жизнь. И когда пробьет решительный час, когда капитализм падет, — синдикализм, как стрелок, утравший мишень, не будет знать, что делать. У синдикализма нет будущего; он живет положительно настоящим — повседневно-конкретными мелочами. Что должно представлять общество на другой день после революции, в какую форму должны вылиться взаимоотношения личностей? — у синдикализма на это нет ответа. Обыкновенно по этому поводу он говорит: ”посмотрим, если нужна будет власть — мы за; если нет — мы против“..... Словом, везде и всюду отделяются безобидным словечком, ”посмотрим“. Если да — да, если нет — нет!

Такая двойственность, такая неопределенность, такая туманность понимания революции; ни в коем случае не может быть полезной рабочим. Чтобы революция была совершена в интересах рабочих, — рабочие должны понимать и определенно представлять то, чем они хотят заменить капиталистический строй. Этим понятным, правильным и чистым зеркалом будущего, является анархизм-коммунизм, без примеси еще каких бы то ни было ”измов.“

Автономов.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ:

ФРАНЦУССКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И МОСКОВСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

(Письмо из Парижа, М. Корн.)

РАЗЛИЧНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ВО ФРАНЦУССКОМ СИНДИКАЛИЗМЕ:

Не так легко разобраться в различных течениях французского рабочего движения, если

вы не на месте, да еще не знакомы с его историей; поэтому мы и остановимся на его прошлом, перед тем, как перейти к недавно состоявшимся во Франции рабочим конгрессам.

Французские рабочие организации уже более 25-и лет существуют независимо от Социалистической Партии. Произошло это исключительно благодаря одному старому и всем известному работнику в движении, Пелутье, — человеку с анархическими наклонностями, с неиссякаемой энергией и преданному всей душой рабочему классу. В продолжении долгих лет он был секретарем Биржи Труда. Совместно с некоторыми анархистами, которые сознавали всю важность участия в рабочем профессиональном движении, он очень многое совершил в проведении принципа всеобщей стачки и экспроприации продуктов первой необходимости, — в противовес принципу захвата власти, на что всегда указывали социал-демократы. И как только Генеральная забастовка и экспроприация были приняты, — произошло отделение союзов от партии, что и показало, что именно они, профессиональные союзы, а не партия, призваны играть первую роль в приближающейся Социальной Революции; — и именно на этом основании развился во Франции революционный синдикализм, который стоял так твердо за войну, на который мы так надеялись и надеемся еще, несмотря на его временное уклонение и ослабление, ибо он являлся единственной гарантией успеха Социальной Революции, единственным направлением, которое, действительно, готовило массы к захвату продуктов, а не власти, в свои руки. Лучшие и самые преданные Анархисты вошли в это движение, и это, конечно, отозвалось на дальнейшем ходе работы.

Война, как и всюду, привела с собой реакцию. Мобилизация расстроила ряды рабочих, оставшиеся вожди, почувствовав свою слабость и чтобы отстоять организацию, пошли на разные компромиссы с правительством, которое было радо привлечь вождей на свою сторону, дабы обезвредить рабочее движение во время войны. Война затянулась... проходили годы, и между вождями рабочего движения, по оснований временного "гражданского мира," показались новые течения. Исчезли былые надеж-

ды на скорое освобождение, на рабочую революцию, рабочую самостоятельность... Вместо этого появилась вера в возможность добиться прямых практических результатов с помощью правительства и буржуазии. Вместо революционного духа — в синдикатах царил дух реформизма и "реальной политики."

Но война, наконец, окончилась. Молодежь вернулась из окопов, началась снова нормальная жизнь и совместно с этим и борьба с новыми течениями; русская революция еще раньше возбудила надежды: снова показалось, что достижение цели — не так трудно. Большевик, показавший всему свету, что власти буржуазии наступил конец, был принят с энтузиазмом. Французские рабочие увидели в Советах общественный порядок, к которому революционный синдикализм все время стремился. Они представляли себе, что производство перешло в рабочие руки и они распоряжаются в нем по своему усмотрению. Все это еще более укрепило оппозицию против ослабевшего нового синдикализма, и усилило "влечение к Москве". Амстердамский Интернационал профессиональных союзов не мог их удовлетворить: во первых потому, что он состоял только из представителей союзных стран (антанты), что создало ему даже кличку "национального Интернационала"; во вторых потому, что он вошел в сношения и связи с Интернациональным рабочим бюро", которое было устроено буржуазными правительствами и которое послало делегатов на конгрессе в Вашингтоне (мирная конференция). Из всего этого и выросла мощная оппозиция лидерам французской Всеобщей Конференции Труда.

В результате указанных направлений в французском рабочем движении, накануне Московского Рабочего Интернационала (Красных Юнионов), движение можно определить следующим образом:

1). Большинство было с секретарем, Всеобщей Конфедерации Труда, Жуо, во главе, который играл во время войны большую роль в перемене направления в движении. Жуо за-

вел за это время связи со всем рабочим движением и стал играть важную роль в официальных кругах и даже принял участие в Вашингтонской конференции. Он, вообще, является главным руководителем реформистской части французского движения. Не надо думать, что Жуо враг социализма, как такового, как например ваш Гомперс. В сравнении с Гомперсом Жуо является даже крайним социалистом. Вполне вероятно, он верит, что перемена произойдет посредством ряда реформ, потому работает для проведения в жизнь реформ. Большинство, которое следует за ним, является, по разным причинам, анти-большевиками. Одни потому, что они просто ничем иным не интересуются, как работой, правом на работу и т. п. и просто боятся революции; другие, как и сам Жуо, предпочитают реформы революции, а многие опять же боятся, что под управлением большевиков рабочее движение потеряет свою самостоятельность. Последнего мотива держится и все "большинство."

2) Меньшинство представляет революционную оппозицию реформаторам. Оно состоит из всяких разновидностей, но все течения сходятся в критике деятельности вождей Конфедерации, в особенности, за участие в "Интернациональном бюро." Они настоятельно требуют также, чтобы делегаты Конфедерации были отозваны оттуда и чтобы Конфедерация в целом выступила из Амстердамского (желтого) Интернационала. Но в остальных вопросах мнения этих двух течений расходятся, что особенно заметно в их отношении к "Московскому Рабочему Интернационалу."

Главным образом они принадлежат к революционным синдикатам, которые желают снова оживить старое синдикалистское движение и они думают (или вернее сказать, они думали), что большевизм — воплощение их собственных революционных надежд. Поэтому они желали и вступления в "Рабочий Красный Интернационал." Единственно благодаря этому течению опять был восстановлен недавно "Революционный Социалистический Комитет," кото-

рый собрал около себя всю оппозицию и послал делегатов на Московский Конгресс. Об разочаровании, которое им пришлось пережить, мы и поговорим здесь.

Теперь, только пару слов о других оппозиционных течениях.

Из этих течений одно правее "Революционного социалистического комитета," а другое — левее. Первые — это французские большевики (члены французской "коммунистической" партии), которые требуют, чтобы рабочее движение слилось с политической партией и чтобы она безусловно вошла в Московский Интернационал. Они представляют себе приближающуюся революцию, как простой захват власти и издание декретов сверху для низов партийным правительством (Диктатура Пролетариата). Количественно эта партия — очень слаба.

Левая группа уже имеет большее значение благодаря ее прежней активности в старом революционном синдикализме. Это — Анархисты. Французские Анархисты удержали идею о независимости (рабочего движения от политических партий) и, при всех своих горячих симпатиях к русской революции, все-таки не могли не отказаться от своих понятий, ради идеи — "социалистической диктатуры." Поэтому, будучи всецело против Амстердамского Интернационала и "Интернационального Бюро," они, в то же время, указывают рабочему движению опасность поддаться "Коммунистической" партии, и очень скептически относятся к возможности вступления в "Московский Рабочий Интернационал."

При таких обстоятельствах поехала делегация в Москву от оппозиции в Конфедерации Труда. Но они уехали туда с полной верой, что взгляд французского синдикализма по вопросу о полной независимости профессионального движения от социалистической партии не встретит там ничего против. Вышло совсем наоборот, как они себе представляли, но об этом поговорим в следующей статье.

(Перевод из "Фр. Арб. Шт.")

ОТВЕТ НА «ПРОТЕСТ И ПРИЗЫВ».

Читая протест тов. М. Л. Ниринга и А. Кришталя против "Фр. Арб. Шт.", он нас не так поразил, как поразил нас их призыв, "не допустить представителя от "Фр. Арб. Шт." в Интерн. Анарх. Конгр.?!"

Не слишком ли вы, товарищи, увлеклись?.. Но постараемся раз'яснить тов., незакомым с Фр. Арб. Шт., о тех обвинениях, каковые были напечатаны против ней в "Волне."

1) Похороны П. Кропоткина со всеми деталями и последствиями были напечатаны в "Фр. Арб. Шт." раньше, чем в каком бы то ни было печатном органе С. Шт.

2) Об Анарх. Конф. "Набат" также было напечатано, но с неподобающим заглавием, чему виною был безответственный редактор, взятый в данное время под контроль.

3) О невпуске большевистским прав. шести тов. Анарх. в Россию нами было оповещено, с добавлением от "Фр. Арб. Шт." передовицы.

4) О напечатании вашего обращения к Ленину, но помилуйте, тов., если бы "Фр. Арб. Шт." пришлось печатать все письма, адресованные каждым нашим тов. к разным Лениным, то тогда "Фр. Арб. Шт." превратился бы не в рабочий орган, поставивший себе целью развитие революционных идей, но в простой письмовник.

На остальные обвинения, как то: об обвинениях в тюрьмах, и появившейся передовице

о Кронштадте, много среди нас толков и протестов, и если бы вы были в курсе дела, то не бросались бы так с обвинениями против "Фр. Арб. Шт." и поддерживающих его групп.

Относительно "про-большевизма", об этом в данный момент много пишут в Фр. Арб. Шт." разбираются, собирают конференции групп.

Российские Анарх., Западно-Европейские, также, как и Американские, все до поры до времени, когда весь мир окружал враждебным кольцом революционную Россию, воздерживались от критики большевизма, боясь, чтобы этим не воспользовались ее враги, мы уверены, что и вы находились в том числе.

Как видите, все ваши обвинения построены, просто благодаря тому, что мы не в курсе дела, почему и было бы желательно, чтобы каждый тов., раньше чем судить, призывать и обвинять, вошел бы внутрь, ознакомился бы, принимал бы участие, тогда яснее стало бы для него происходящее. Мы уверены, что нашим ответом мы закончим такие неуместные выступления, против общего нашего дела.

С тов. приветом Группа еврейских А. — К.

От Ред. Колл. "Волны": — Поместив ответ еврейских товарищей, мы просим все дальнейшие дискуссии по затронутому вопросу перенести на страницы "Фране Арбейтер Штимме", которая, наверное, не откажет в этом.

ПРАВО НА ЖИЗНЬ.

Мы занимаем остров, на котором живем трудами рук своих. Разбитый в кораблекрушении моряк выброшен на наш берег. Имеет ли он такое же, как и мы, естественное право, на том основании, как и мы, занимать частицу земли для того, чтобы кормиться на ней сво-

им трудом? Казалось бы, право это несомненно. А между тем, — сколько людей рождается на нашей планете — земле, которым живущие на ней люди отказывают в этом праве.

Лавелз.

СТУДЕНТ.

(Посвящаю памяти моего друга
Сергея Остракова)

Он родился в бедной доле
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки,
В жизни стала, год от году,
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей лучшей доли.
И гонимый мстью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанья,
На народное воззвание,
Кликнуть клич по всем крестьянам

От востока до заката;
Собирайтесь дружным станом,
Станьте смело брат за брата —
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.

— 0 —

Жизнь он кончил в этом мире —
В снежных каторгах Сибири,
Но до тла не лицемерен —
Он в борьбе остался верен,
До последнего дыханья
Говорил среди изгнания:
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.

Н. Огарев.

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ.

Заявление Редакционной Коллегии:

1) На днях вышел первый номер журнала "Буревестник" от имени группы Анархистов-Коммунистов. Это группа заявляет в своей передовице, что ее первой задачей будет призыв масс "к активным выступлениям, к пропаганде не только словом, но и делом"; но к сожалению ни в одной из дальнейших статей не касаются этого вопроса, т. е. какого рода активные выступления нужны в настоящее время. Туманно и слабо заявляется о желании организовать "федерацию без всякого центра", как будто группе неизвестно о существующей федерации тоже без центра. Общее содержание журнала выказывает недостаток интеллектуальных сил, хотя технически видна заботливость; но приходится обращать внимание не на внешность, а на внутреннее содержание. Дробление сил, когда их имеется очень мало, вредно отзываясь на всей нашей работе. Было бы гораздо лучше, если бы имеющиеся интеллектуальные силы объединились около одного органа, коль скоро у них нет принципиальных расхождений, что явно следует из заявления группы. Кроме того обед-

невшие товарищи, едва ли будут в состоянии поддержать два органа одного направления.

2) В скором времени выйдет Анархо-Коммунистический ежемесячник на украинском языке, "Вильна Громада". Появление такого органа мы считаем абсолютно необходимым в виду постоянных запросов украинских товарищей о желательности Анархической литературы, в виду необходимости вести пропаганду наших идей и между украинскими рабочими. Мы приветствуем появление органа и призываем всех русских и украинских товарищей оказать ему нужную поддержку. Просим все корреспонденции и пожертвования направлять в Ред. Колл.

3) В виду того, что Интернациональный Анархический Конгресс отложен до конца декабря, согласно полученной телеграмме на наш запрос, поездка делегата таким образом откладывается. Желательно было бы возбудить вопрос о созыве с'езда Анархо-Коммунистических групп Федерации и решить важные вопросы, которые стоят перед нами. Вопросы местного и общего характера. Если с'езд будет созван, наш делегат, тов. Д., снимет с себя

делегатуру и делегат на конгресс будет избран на съезде. Просим товарищей обсудить этот вопрос на местах и прислать в Ред. Колл. свое мнение, назначение времени и места. С своей стороны мы бы предложили собраться в конце ноября, где-либо в восточной стороне Соединенных Штатов.

4) Редакционная Коллегия в настоящее время, начиная с 23-го номера, будет работать

коллективно, без платного редактора. Тов. редактор заявил о своем желании прекратить выдачу ему средств на существование, ибо в среде товарищей Ред. Колл. найдется достаточно сил для ведения работы в дальнейшем. Тов. редактор остается, как член Редакционной Коллегии и по мере возможности будет помогать в дальнейшей работе.

— 0 —

ОТЧЕТЫ.

Добровольный фонд "В." гор. Д—та.

Собрано по чек. книж. т. Бу-рей 10.75.
Собрано тов. А. К. — — — 7.00.
Доб. фон. на "В". от А. К. Д-та 12.05 с.
Всего — — — — — 29.80 с.

Литературный отчет района Огайо.

Отправлено в Россию:

Разной литературы на сумму 320.42 с.
Взято неизвестно какой литерат.
из одного гор. — — — 34.97 с.
Всего — — — — — 355.39 с.

Журнала "Волна" 703 экз. — 105.00
" " Х. и В. 35 экз. — 5.25
" " Св. Об. 33 экз. — 4.95
Всего на — — — 115.65

ОТЧЕТ С. Р. КОЛЛ.

Приход за литер. и жур. "В":

Из г. Бруда за жур. "В" — 15.00.
" " Ба-ра за жур. "В" и К. А. 43.20.
" " Д-та доб. пож. на "В" — 29.80.
" " Ф-ли за лит. и "В" — 15.00.
" " Т-та за лит. — — — 7.00.
" " Е-та за 1 "В" — — — 14.60.
" " К-да за лит. — — — 70.45.
" " К-да за лит. и "В" — — 15.30.
" " Ю-на за лит. — — — 37.75.
От тов. Ю. доб. пож. на "В" — 5.00

Общий приход по лит. и жур. "В"
от 13-го сентяб. по 5 октяб. 253.10.

Приход на посылку Д-та от 13 сентяб. по 5-го октября с. г.

Из г. М—он И. — — — — 18.00.
" " Че--ра — — — — 12.00.
" " Б—да — — — — 25.00.
" " К—да — — — — 34.00.
" " Р.—ер. — — — — 30.00.
" " Д—та — — — — 74.00.
" " от тов. П. К—ч. — — — 1.00.
" " Т—то — — — — 20.00.
" " Ви Ка—да — — — — 19.70.
" " Е—ет. — — — — 25.00.
" " тов. И. Ф—ан. — — — 3.00.
" " Ю—он. — — — — 30.00.

Всего на Д—та — — — 291.70.

Общий приход:

Находилось в Кассе от 13-го сентября
по 5-го октября — — — 674.92.
За л. и ж. "В" от 13 с. по 5 окт. 253.10.
На Д—та " " " " " " " 291.70.

Итого прих. по 5-го окт. — 1218.72.

Расход по изд. ж. "В." — — 201.00.
Расход по изд. ж. "В" — — 100.00.
Посылка "В" в Европу — — 2.05.
Общий расход по жур. "В" — 303.05.
Расх. по поезд. д-та на И. К. А. 195.00.

Общий расход — — — — 498.05.

Общий Приход — — — 1218.72.

Общий Расход — — — 498.05.

Остает. в Кассе на 5-го окт. 720.67.

Комиссия Р—ая П. Ч. М. З.